

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ СОБОЛЕВ

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
sobnick@yandex.ru

К ПРОБЛЕМЕ ПОЭТИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. С. ШМЕЛЕВА*

В статье рассматривается летописное время и его формы. В тексте, стилизованном под эпистолярную прозу, летописная временная структура позволяет автору воспроизвести внутренний монолог героя. В текстах, носящих репортажный характер, художественное время уподобляется реальному: писатель встраивает образы в поток реалистично воспроизведенной жизни, благодаря этому в тексте произведения создается бытовая коллизия. В произведении, стилизованном под исторический источник, который перерабатывается творческим устремлением большого количества читателей, каждый из которых оставил в конечном тексте свой след, летописное время становится фактором соборного сотворчества. Автор посредством сложно организованной временной структуры художественного нарратива формирует восприятие и понимание художественного произведения читателем. Тексты произведений И. С. Шмелева принципиально монологичны, где автор – ведущий, а читатель – ведомый. И эта художественная особенность роднит произведения Шмелева со средневековыми учительными произведениями.

Ключевые слова: летопись, эпистолярное произведение, репортаж, записки, воспоминания, соборность, жанр, нарратив

Активно обращаться к античным и средневековым, в том числе древнерусским, литературным элементам поэтики в произведениях писателей Нового времени критики стали начиная с 20-х годов XX века. В современном литературоведении это направление является весьма продуктивным в связи с изучением многоплановой жанровой структуры литературных произведений, прежде всего второй половины XIX века – рубежа веков.

Древнерусские традиции в творчестве Шмелева стали предметом серьезного изучения О. А. Комкова [1], Н. Г. Морозова [2], Н. И. Пак [3], [4], О. В. Селянской [5], Н. И. Соболева [6] и др. Упоминание о связях поэтики Шмелева и древнерусской литературы стало в современной критике о творчестве Шмелева общим местом. В то же время практически неизученными остаются аспекты поэтики художественного времени, восходящие к древнерусской литературной традиции.

Для Шмелева художественное время было важнейшей составляющей поэтики. На протяжении всего творчества он постоянно экспериментировал с художественной формой воспроизведения пространства-времени, длительности действия, повторяемости события.

В «Записках не писателя» (1948–1949), одном из последних своих текстов, Шмелев формулирует позицию повествователя-летописца: «Я и не мыслитель. Но ободряет: сколько было мыслителей, а... что вышло! А мне-то, неммыслителю, вдруг и удастся?.. Что загадывать... просто перескажу все, а там, кому попадет эта серая

тетрадь, пусть!» (255)¹. Повествователь в художественном мире Шмелева фиксирует события, не стремясь их осмыслить, он превращается в хроникера, летописца, который рассказывает лишь о том, что видел. Действительно, во многих своих произведениях Шмелев воссоздает время, которое является длящимся, привязанным к определенному событию, случаю, где есть, так сказать, перфектная составляющая. Часто оно выражается в форме записок, пересказов. Повествователь пересказывает слышанное от приятеля или прочтенное где-то. Многие произведения имеют подзаголовки: «Добрые встрѣчи. Изъ воспоминаній о Дмитріи Ивановичѣ Тихомировѣ»; «Пряникъ. Разсказъ доктора»; «Солдаты-Кузьма. Изъ дѣтскихъ воспоминаній пріятеля», «Какъ мы летали. (Изъ воспоминаній пріятеля)», «На пенкахъ. Разсказъ бывшаго человѣка». Автор, таким образом, превращает свои произведения в цепочку летописных свидетельств. Эта художественная особенность, безусловно, сближает произведения Шмелева с древнерусскими. Впрочем, летописная временная структура имеет свои вариации.

Интересную форму летописного времени находим в романе «История любовная». Основная коллизия романа разворачивается в письмах главных героев. Тоня, подросток пятнадцати лет, под влиянием недавно прочитанных романов влюбляется в молодую женщину Серафиму. Он решает объяснить Серафиме в любви в письме, она отвечает. Так между героями завязывается переписка. Переписка Тони и Серафимы – это эпистолярная форма общения-беседы, в которой состоят оба действующие лица. Письма Серафи-

мы серы, бесцветны, даже в чем-то примитивны. Каждое письмо Тони – это обращение к «прекрасной незнакомке». В каждом новом письме герой делает для себя художественные открытия, письма Серафимы – это лишь повод, чтобы поиграть в любовь, письма Тони перерастают во внутренний монолог о творчестве, о прекрасном. В своих посланиях Тоня пишет больше, чем мог бы сказать при личной встрече, – это душевный порыв, который в эпистолярной форме преодолевает преграды бытовой зажатости, косноязычия, преодолевает быт. Таким образом, читатель становится свидетелем становления в романе духовной реальности главного героя, которая определяет художественную доминанту произведения.

В повестях и рассказах «Человѣкъ изъ ресторана», «Солдаты-Кузьма», «Какъ мы летали», «На пенькахъ», «Гасанъ и его Джеджи» образ хроникера-повествователя до предела упрощает нарратив произведения, превращая его в репортаж: вот пример из рассказа «Гасанъ и его Джеджи»:

– Ге, Ге! – одобрительно произнесъ онъ. – Хорошій ты, барина... добрый барина... Гассанъ тебѣ будетъ сказаль... все сказаль... Ты давалъ руку Гассанъ... Никто не давалъ руку Гассанъ. Полицей ругаль Гассанъ... Хозяинъ ругаль... всѣ ругаль, ты одинъ не ругаль...» (8)².

Пример из «Гражданина Уклейкина»:

– Уклейкину почетъ-уваженіе! Отошель!... Клади имъ!...

– Предались!... Шпана!... Дар-рмоѣды!

– Сыпь! Жарь! Качай ихъ! Во-отъ!...

Толпа подвигается вмѣстѣ съ Уклейкинымъ къ “посту”.

– Достигну!... Сыщу!... Што?... Душ-ши!... Бюшники!.. Манжетники, черти!.. Што-о? Пропущай!

Полицейскій стоитъ, разставивъ руки, и слѣдитъ за Уклейкинымъ, точно играетъ въ коршуны.

– Ты лучше не шкандалъ. Гуляй себѣ и не шкандалъ!

– Пропущай!.. Слово хочу! (110)³.

Такая манера изложения позволяет детализировать повествование, придать героям художественную достоверность. Лексическое своеобразие нарратива поддержано и на синтаксическом уровне, избыточном парцеллированными конструкциями. Эмфазы в парцелляциях придают речи героев спонтанность, естественность звучания, создают ощущение здесь и сейчас становящейся действительности, и, как следствие, повествование в целом становится более образительным и выразительным. В грамматике эта идея также нашла отражение, в частности в использовании аллеотета «настоящее повествование»: для изображения давно прошедших со-

бытий автор использует грамматические формы настоящего времени.

Близкое следование или точное воспроизведение времени действия создает драматическую бытовую коллизию, позволяет Шмелеву вписывать образы в поток реалистично – до мельчайших деталей в быте и идиостиле героев – воспроизведенной жизни, давая возможность идее самой раскрыться в образе (что характерно для поэтики нового реализма).

Иную художественную перспективу имеет летописное время в повести «Неупиваемая Чаша». Сюжет повести представляет собой жизнеописание главных героев – Ильи Шаронова и Анастасии Вышатовой. О сокровенных моментах жизни героев читатель узнает из «Выписи изъ меморіи рода Вышатовыхъ, листъ 24» (91)⁴ и дневника Ильи, которые благочестиво, с уклоном в житийный жанр, пересказывает повествователь [5]. Благочестивый пересказ – это, в общем-то, один из способов создания художественной условности, где главенствующую роль выполняет образ повествователя. Итак, канва произведения складывается из последовательности эпизодов, рассказанных Ильей в дневнике, о которых повествователь узнал от читавших и воспроизвел их, осмыслив еще раз.

Таким образом, в тексте произведения создается художественная условность особого рода, когда конечный текст произведения становится плодом осмыслений, редактирований, переработок исторического источника, созданного творческим устремлением большого количества читателей, каждый из которых оставил в конечном тексте свой след. Это своего рода соборное сотворчество, придающее произведению летописный и в то же время легендарный характер. Этим автор достигает особого художественного воздействия: он сосредотачивает читательское внимание на смысловых доминантах текста, в частности на этапах духовного становления главного героя повести, Ильи Шаронова. В начале повести автор изображает героя носителем традиционно христианских православных ценностей – героем жития; затем житийный план повествования сменяется социально-романным: герой представлен подвижником идеи святости русского народа; в последней части повести автор воссоздает жанр церковного предания, в котором органично переплетены художественно правдивый рассказ о духовных метаниях главного героя с событиями из церковной истории.

Итак, автор посредством сложно организованной временной структуры художественного нарратива влияет на читателя, старается сформировать его восприятие и понимание художественного произведения. В этом смысле произведение И. С. Шмелева принципиально монологично. Автор создает художественную среду, которая не благодатна для идейного эксперимента, среду, где автор – ведущий, а чи-

татель – ведомый. И эта художественная особенность роднит произведения Шмелева со средневековыми учительными текстами.

Выводы о структуре художественного времени согласуются с представлением о жанровом

своеобразии произведений Шмелева, которые характеризуются жанровым синтетизмом, объединяющим самые разнообразные литературные традиции, среди которых доминирующую роль выполняет древнерусский литературный канон.

* Издается в рамках реализации Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шмелев И. С. Свет вечный. Париж: Klincksieck, 1968. 348 с.

² Шмелев И. С. Гасан и его Джеджи. М.: Юная Россия, 1917. 50 с.

³ Шмелев И. С. Гражданин Уклейкин // Рассказы. СПб.: Знание, 1910. Т. 1. С. 109–224.

⁴ Шмелев И. С. Неупиваемая Чаша // Литературный сборник Отчизна. Симферополь: Рус. книгоиздательство в Крыму, 1919. С. 89–147.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комков О. А. Образ иконописца в русской художественной традиции: («Запечатленный ангел» Н. С. Лескова и «Неупиваемая Чаша» И. С. Шмелева) // Вестник Московского университета. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. М., 2001. № 1. С. 118–134.
2. Морозов Н. Г. Традиции святоотеческой духовности в повести И. С. Шмелева «Лето Господне» // Литература в школе. 2000. № 3. С. 26–31.
3. Пак Н. И. Образы святых в романе И. С. Шмелева «Пути небесные» // Макариевские чтения. Можайск, 2002. Вып. 10. С. 355–359.
4. Пак Н. И. Пути обретения России в произведениях Б. К. Зайцева и И. С. Шмелева // Литература в школе. 2000. № 2. С. 34–39.
5. Селянская О. В. Художественный мир русского православия в повести И. С. Шмелева «Неупиваемая Чаша» // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. Тамбов, 2001. С. 109–111.
6. Соболев Н. И. Из творческой истории повести И. С. Шмелева «Неупиваемая Чаша» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 7. Петрозаводск; М.: Изд-во ПетрГУ, 2012. С. 328–342. (Серия «Проблемы исторической поэтики». Вып. 10.)

Sobolev N. I., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

POETICS OF TIME IN IVAN SHMELEV'S WORKS

The article discusses various forms of time in the works written by Ivan Shmelev. A particular attention is given to the perfect time, which is revealed in the writer's narrative in the form of notes and reminiscences; the epistolary time, which allows the author to reproduce the inner monologue of the protagonist; the sequential time, which is reflected in the exact likeness with the real time. The writer embeds images into the thread of a realistically reproduced life, thanks to which a phenomenon of consumer confusion is created. The time of synodic narrative appears in the author's works styled on the order of a historical source. The works were processed by the creative aspiration of a large number of readers whose personal vision can be traced in the final text. The author through a complex organization of temporal patterns of artistic narrative helps the reader to shape the perception and understanding of his art work. For this particular reason the texts written by I. S. Shmelev are predominantly based on monologues in which the author is a leader, and a reader acts as a follower. These artistic features of the text make his works congenial with medieval didactic works.

Key words: poetic of time, narrative, chronicle, sobornost, genre

REFERENCES

1. Komkov O. A. The image of the icon painter in Russian artistic traditions: ("Zapechatlennyy angel" H. S. Leskov and ["Inexhaustible Cup" I. S. Shmelev]) [Obraz ikonopitsa v russkoy khudozhestvennoy traditsii: ("Zapechatlennyy angel" N. S. Leskova i "Neupivaemaya Chasha" I. S. Shmeleva)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19, Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of Moscow University. Ser. 19. Linguistic and cross-cultural communication]. Moscow, 2001. № 1. P. 118–134.
2. Morozov N. G. Tradition of patristic spirituality in Ivan Shmelev's novel "Leto Gospodne" [Traditsii svyatootecheskoy dukhovnosti v povesti I. S. Shmeleva "Leto Gospodne"]. *Literatura v shkole* [Literature in the school]. 2000. № 3. P. 26–31.
3. Pak N. I. The images of the saints in Ivan Shmelev's novel "Way of Heaven" [Obrazy svyatykh v romane I. S. Shmeleva "Puti nebesnye"]. *Makarievskie chteniya* [Makariievskie readings]. Mozhaysk, 2002. Issue 10. P. 355–359.
4. Pak N. I. The ways of attainment of Russia in the works of B. K. Zaitsev and I. S. Shmelev [Puti obreteniya Rossii v proizvedeniyakh B. K. Zaitseva i I. S. Shmeleva]. *Literatura v shkole* [Literature in the school]. 2000. № 2. P. 34–39.
5. Selyanskaya O. V. The artistic world of Russian Orthodoxy in I. S. Shmelev's tale "Inexhaustible Cup" [Khudozhestvennyy mir russkogo pravoslaviya v povesti I. S. Shmeleva "Neupivaemaya Chasha"]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* [Scientific journal of Tambov State University. Ser.: Humanities]. Tambov, 2001. P. 109–111.
6. Sobolev N. I. From the history of creation of I. S. Shmelev's tale Inexhaustible cup [Iz tvorcheskoy istorii povesti I. S. Shmeleva "Neupivaemaya Chasha"]. *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [The problems of historical poetics. Vol. 10: The gospel text in Russian literature of 18th–19th centuries: quote, reminiscence, motive, plot, genre. Vol. 7]. Petrozavodsk; Moscow, PetrSU Publ., 2012. P. 328–342.

Поступила в редакцию 07.11.2014